

Анджей Дравич — доктор наук, профессор славистики, специалист по русской литературе. Ему 65 лет. Дебютировал как литературный критик. С 1980 года член "Солидарности". Интернирован с декабря 1981 по октябрь 1982 г. С 1989 года — председатель польского Комитета по вопросам радио и телевидения. Затем — профессор Варшавского университета и Института славистики Польской Академии наук. С 1995 года — советник премьер-министра Польши по вопросам внешней политики.

шла несколько стадий, несколько этапов. Когда мы только начинали свою борьбу в "Солидарности" — это было прекрасное, замечательное время, наполненное высокими чувствами подлинного товарищества, самозабвения, взаимовыручки. Усенное высокими целями достижения свободы Отечества, избавления от диктата коммунистов и Москвы. И когда мы пришли к власти, когда мы победили — это было полное ощущение счастья. Но потом начались непростые времена, появились серьезные проблемы. Я тогда стал председателем польского Гостелерадио. И вот ко мне стали приходить мои соратни-

его недалеко, отсутствие глубины и созидательного государственного мышления. Он с головой ушел в политические интриги, очень быстро нашел врагов в лице левых и умеренно левых сил и продолжал с ними борьбу вместо того, чтобы заниматься строительством экономики и государства...
— Не кажется ли вам, что судьба Валенсы до некоторой степени типична, что она представляет собой некое общее место, которое можно назвать "диссидент у власти". Такова же судьба и грузинского президента Звиада Гамсахурдиа, и азерб-

ставляете себе мотивы нашего стремления в НАТО. Если упрощать — то их всего два. Первый — ваша российская непредсказуемость. Вы по-прежнему пытаетесь решить проблемы с помощью силы. Чечня — лучшее тому подтверждение. По-прежнему в России сохраняется опасность прихода к власти коммунистов и смены стратегического курса: об этом постоянно твердит Зюганов. Вы — гигантская страна с мощнейшим ядерным потенциалом, нестабильным политическим устройством и совершенно неосознанными национальными интересами на постсоветском пространстве и в Восточной Европе. Второй мотив — это обычное и естественное желание поляков вернуться туда, откуда нас вырвали десятилетия коммунистического режима, — в лоно европейской цивилизации, европейской культуры, европейской традиции. При этом никто не воспринимает Россию как врага, никто не видит в НАТО союзника в вооруженной борьбе с вами. Поверьте, это так.
— Что вы думаете о сегодняшних реформах в России?
— Если честно, меня просто удручает отсутствие у вас даже попыток коренной экономической реформы. Все, что делается пока, на мой взгляд, только полумеры. Оттого и жизнь не становится легче. Может быть, что-то сумеют сделать молодые реформаторы в правительстве... Если же говорить, так сказать, в историческом масштабе, то с вашими ресурсами, с вашими великолепно образованными людьми, с вашим творческим потенциалом — в исторической перспективе у вас нет равных. Я вижу Россию в грядущем столетии как высокоразвитую страну, лидера

— Пан Дравич, еще совсем недавно вы были активистом "Солидарности", боролись за независимую Польшу, свободную от догматов социализма. Теперь Польша — независимое государство, смело шагнувшее за порог социализма; "Солидарность" вновь победила на парламентских выборах. Как эти перемены сказались на польском обществе, на поляках, ради которых все это и затевалось?

— Польша стала другой, это можно заметить, что называется, невооруженным глазом. Сегодня, как мне думается, мы уже живем в нормальном государстве, в нормальной стране. Конечно, нам это нелегко далось, нелегко дается и по сей день. Мы стали независимой Польшей, о которой мечтали столько лет... Конечно же, мы предполагали, что за свободу, за возможность самим распоряжаться своей судьбой придется заплатить, но мы даже не могли тогда предполагать, что цена окажется столь большой. Мы и по сей день продолжаем платить за десятилетия экономического и технологического отставания, за то, что все это время заботились о потребностях системы, режима, но не о потребностях людей. В этом смысле наша и ваша ситуации похожи. Нам, конечно, легче: период, называемый социализмом, у нас длился меньше по времени, нежели у вас. И потом — у нас это протекало менее жестоко, мы не пережили того, что пережили вы в 37-м году. И все-таки, несмотря на это, и нам теперь тяжело...

— Кому сейчас труднее всего в Польше?

— Тем же, кому и у вас: пенсионерам, пожилым людям, тем, чьи профессии и специальности теперь не имеют спроса. Рабочим предприятий-гигантов, таких как Гданьская судостроительная, рабочим Тракторного завода, шахтерам...

— Они хотят реставрации, желают вернуться в прошлое?

— Ну что вы, этого не хочет никто. Говорю это с абсолютной уверенностью. Даже те, кто лишен сегодня работы, даже пенсионеры, даже директора крупных предприятий. Все понимают, что могут спокойно обойтись без руководства партийных секретарей. Конечно, есть люди, недовольные тем, что происходит сейчас, они активно высказывают свое недовольство. Но это скорей эмоциональный протест, нежели глубоко осмысленная позиция. Протестующие уже забыли, каких унижений стоило еще совсем недавно купить, а точнее достать килограмм хорошей колбасы или два литра бензина для автомобиля, какую очередь надо было выстоять, чтобы купить хоть что-нибудь к празднику... Сегодня многие уже забыли былые трудности, прошлое рисуется им в радужном свете. Знаете, как говорят социологи: реальность неважна, важно предствление о ней.

— Однако политикам приходится считаться в равной мере как с реальностью, так и с представлениями людей о ней...

— Совершенно верно. И, надо сказать, мы поздно это поняли. В самом начале польских реформ я и мои друзья — тот же Тадеуш Мазовецкий — были уверены: народ страны дал "добро" на реформы, поэтому нет необходимости никого убеждать в том, что они необходимы, как бы ни было трудно, с какими бы социальными издержками ни шло реформирование. Оказалось, это не

Анджей ДРАВИЧ, советник премьер-министра Польши по вопросам внешней политики:

ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ ТОГДА, КОГДА ИДЕЯ УМИРАЕТ

так. Жизнь научила нас каждый день убеждать сограждан в том, что реформы нужны, каждый день приводить резоны в защиту социальных и экономических преобразований.

— Как вы решаете проблему шахтеров или других "нерентабельных" профессий?

— Разработана специальная программа, предусматривающая перекалфикацию людей, подготовку их к работе по другим специальностям, в других профессиях. Это делается во всем мире, тут мы не первооткрыватели. Однако наша проблема усугубляется тем, что в Польше шахтеры, металлурги — это профессии наследственные, династические, они "передавались" из поколения в поколение, поскольку исторически сложилось так, что шахтеры и металлурги жили у нас в определенных регионах. И теперь нам приходится не просто переучивать людей, мы вынуждены ломать, трансформировать целый социальный уклад, мощную традицию, образ жизни многих поколений. Это очень тяжело, однако необходимо.

— Как вы думаете, какое время потребуется для того, чтобы не только разрушить эту традицию, но и воспитать на ее месте другую?

— Это вопрос исторического времени, то есть не года и не двух. Но знаете, в конце столетия все процессы неведомым образом ускоряются, текут значительно быстрее, нежели в 50-е или даже в 70-е годы. Я оптимист и надеюсь, что те, кому сегодня под сорок, смогут увидеть и ощутить первые позитивные результаты.

— Пан Дравич, а что стало с "Солидарностью"? Изменилась эта организация с той поры, как вы были ее активистом?

— Я считаю, что изменилась. Более того, "Солидарность" про-

ки по "Солидарности" и требовать увольнения того или иного администратора или журналиста на том основании, что он работал с коммунистами. Я сразу сказал: этого не будет. Мы не станем охотиться за "ведьмами", каждый должен получить шанс работать на новую Польшу, мы никогда не будем пользоваться методами коммунистов. Увы, многие в "Солидарности", придя к власти, принесли во власть именно то, что было свойственно нашим политическим противникам: коммунистические, или, как у вас говорят, — большевистские способы решения проблем. Не случайно, уже будучи в оппозиции, "Солидарность" критиковала власть за отсутствие социальной обеспеченности людей, то есть им хотелось, чтобы и рыночные отношения были, и одновременно сохранялись социалистические льготы. Но так не бывает. Нынешняя "Солидарность" избавилась от этого социального романтизма, теперь она куда более реалистично смотрит на вещи.

— А как бы вы оценили роль Леха Валенсы в новейшей истории Польши, роль диссидента, получившего власть?

— Я очень высоко ставил этого человека, особенно тогда, когда он начинал свою борьбу. Я восхищался им. Это был настоящий народный вождь. Он великолепно вел себя во время военного положения и тогда, когда был интернирован. Он мужественно отвергал любое сотрудничество с коммунистическими властями. Тогда он был нашим святым и мы ему готовы были ставить памятники. Но вот он стал президентом, и многое изменилось. Если кратко, то он, наш кумир, просто не выдержал испытания властью. И в кресле президента Польши он предпочитал оставаться диссидентом. Сразу стали видны его недостаточная образованность,

байджанского Эльчибея, и литовского Ландсбергиса... Список можно продолжить...

— ...Пока мы не назовем имя Вацлава Гавела.

— Пожалуй. Кстати, почему, на ваш взгляд, судьба Гавела сложилась иначе?

— Как вы, вероятно, догадаетесь, обстоятельств много, однако для меня тут есть одно решающее: Гавел — подлинно интеллигентный человек.

— С приходом к власти президента Квасьневского многие представители левых в России, например Зюганов, стали говорить о том, что в мире крепнет тенденция возвращения коммунистов во власть, роста их авторитета среди избирателей. Что бы вы сказали по этому поводу?

— Не знаю, как в России, но в Польше никакого роста авторитета коммунистических и просто левых сил не наблюдается уже давно. И то, что говорит по этому поводу товарищ Зюганов, — очередной блеф. Квасьневский же представляет собой весьма узнаваемое в современной Европе социал-демократическое крыло рабочей партии. Это то, от чего Зюганов и его сподвижники в России пытаются откеститься всеми силами. Повторяю: Квасьневский — социал-демократ с ориентацией на рыночные реформы, на цивилизованную жизнь в рамках европейского сообщества безо всяких коммунистических идей о национализации частной собственности и воспрепятствовании свободной продаже земли.

— Вы сказали: ориентация на цивилизованную жизнь в рамках европейского сообщества... Это то же самое, что и ориентация на вступление в НАТО?

— Я знал, что вы зададите этот вопрос. Поверьте, я понимаю вашу озабоченность, но, как мне кажется, вы не совсем правильно пред-

мирового сообщества. У вас для этого есть все.

— Спасибо на добром слове, пан Дравич, и, если позволите, вопрос о вас лично. Как изменилась ваша жизнь за это время. Вы стали жить лучше или хуже?

— Как прежде вкалывал с утра до ночи, так и сейчас. В этом смысле не изменилась вовсе. Другое дело, что жить стало удобнее и проще: все появилось в магазинах по сносным ценам, сервис стал приличным, люди почувствовали, что их человеческому достоинству относятся всерьез. Вообще, как мне кажется, это время — для молодежи, она просто купается в нем, ей это определенно нравится.

— А вы не боитесь, что нынешняя польская молодежь, не узнавшая прелестей социализма, в будущем может клонуть на эту приманку о всеобщем равенстве?

— Нет, не боюсь. Идея мертва, жизнь оказалась куда сильнее. Человек не может долго жить по идее, это противоречит его естеству. Жить "по жизни" куда легче и приятнее. И я думаю, что молодежь, получившая этот простой и естественный опыт, никогда не променяет его на служение какой бы то ни было идее.

— И последний вопрос: ваше самое сильное впечатление от русской литературы?

— Русская литература — моя вторая родина, поэтому за вопрос спасибо. Самое сильное впечатление — Андрей Платонов. Я считаю его лучшим в XX веке. Последние сильные впечатления — это Венедикт Ерофеев и Владимир. Кстати, книгу "Москва — Петушки" я только что перевел на польский, она — из моих любимейших...

Юрий ЛЕПКИЙ, Ольга СОЛОМОНОВА.